

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

И. А. Халий

Институты гражданского общества
в современной России.
К методологии изучения

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Khaliyy.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Халий И.А.

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ

Под институтами гражданского общества мы будем понимать организованные так или иначе объединения граждан, действия которых направлены на реализацию каких-либо целей и задач, на разрешение собственных, общих для групп проблем. Чаще всего сегодня это общественные движения, неправительственные организации, еще неорганизованные, но уже объединившиеся неформально для консолидированных коллективных действий граждане — такие группы называют гражданскими инициативами, а также структуры, их объединяющие, например, сетевые общероссийские или региональные неправительственные организации, общественные палаты, комитеты и т.п. Иными словами анализу подлежат субъекты социального действия или социальные акторы.

СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ТИПЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА КАК ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ СТРУКТУР ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Методологически в связи с вышеозначенным предметом исследования возникает первая проблема. Среди аналитиков процесса глобализации наиболее утвердился, в частности, подход, в котором глобализация предстает абсолютно новым явлением не только потому, что ликвидирует (а скорее упрощает) социальное неравенство, но и потому, что фактически ликвидирует человека (социальную группу) как главное действующее лицо в происходящих процессах — социального актора. Глобальные потоки движутся не в чьих-либо интересах, не в результате чьих-либо действий, а сами по себе, даже если те, кто когда-то их запустил, обладали соответствующими интересами. Люди лишь обслуживают, регулируют (но не формируют, не направляют или изменяют) движение, заданное автоматическим, по сути, механизмом. Они более не акторы, они лишь агенты, выполняющие заданную потоком функцию¹. Значимость действий социальных акторов, как видим, прак-

¹ См., например: *Rosenau J.N. Global Environmental Governance: Delicate Balances. Subtle Nuances, and Multiple Challenges // International Governance on Environmental Issues. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. P. 19-56.*

тически отрицается, даже, если речь идет о национальных государствах, а то и констатируется факт их полного ухода с социально-политической сцены.

Однако не все социологи разделяют эту точку зрения. Один из теоретиков деятельностно-активистского подхода А. Турэн выдвинул положение о сохранении в современном обществе субъекта социального действия. Он признает, что «в рыночной экономике, где главная забота — отказ от любого регулирования или экономического, политического и социального контроля экономической деятельности», исчезает тот социальный актор, который влияет на социальные и политические процессы своим участием в них. Однако физически «человек действующий» не ушел, он продолжает существовать и проявлять активность за пределами институтов глобализации или «глобализационных потоков», уже даже не пытаясь влиять на них. Его сегодняшняя деятельность как свободного от «общества» индивидуума или группы соотносится уже не с «принципами рациональной организации общества или с понятием прогресса, а с шансами социального субъекта на жизнь и с рисками смерти». Современные социальные движения, утратив «единство социальной системы», приобрели «единство самого субъекта в его отношении к себе, а не к внешнему или трансцендентному принципу строя». Для российского исследователя это означает, что в соотношении глобальных процессов с деятельностью субъекта социального действия этот подход работает: действительно, радикально влиять на происходящее в мире он не способен. Но на локальном уровне, т.е. непосредственно в месте своего проживания, в ситуации трансформации, реформирования социальных институтов для защиты собственной жизни он вынужден делать попытки оказывать влияние на происходящее. Основной вопрос заключается в том, является ли эта «репрезентация социальной жизни» столь же прочной, как и репрезентация, которая «сейчас, в конце века, исчезла из вида»².

Тему развивает видный ученый-социолог М. Вевёрка, утверждая, что с конца 1960-х годов наблюдаются две главные тенденции появления культурных притязаний. Первая — «выражение различий во всех областях, принявших форму новых (или оживших) культурных вызовов, требующих публичного признания актора, ассоциируемого с ними». Вторая тенденция — «сочетание социальных требований с требованиями культурного признания»³. Это означает, что в условиях глобализации, когда огромная масса людей подвергается эксклюзии как в экономической (низкие доходы, приводящие к снижению качества жизни), так и в политической (отсутствие любого политического или

² Турэн А. Социология без общества Социологические исследования. 2004. № 7. С. 8-9.

³ Там же.

социального участия) сферах, возрастает роль культурной идентификации субъектов (расовой, религиозной, местной, способов ведения хозяйства, сохранения национальной культуры или традиций и т.п.).

Попробуем применить этот подход к анализу современных российских реалий, выясним, являются ли указанные различия почвой для возникновения субъекта социального действия и приводит ли это к их институционализации в виде выдвижения соответствующих требований и в деятельности определенных структур гражданского общества, направленных на их реализацию.

Самодеятельные объединения граждан (в виде общественных движений, неправительственных организаций или гражданских инициатив) формируются на основе общих проблем, требующих разрешения, и базируются на культурной, социальной, национальной, политической самоидентификации индивидов. В любом случае речь идет о социальных различиях, которые объединяют или разъединяют людей и которые, в первую очередь, зависят от типов неравенства, существующих в современном российском обществе⁴. Рассмотрим последовательно, как влияют социальные различия и социально-политические условия в современной России на возникновение и развитие самоорганизации населения и институтов гражданского общества.

Российские трансформации последних двадцати лет, направленные на развитие рыночной экономики и рыночных отношений, изначально были нацелены на слом прежней советской уравнительности и формирование социального неравенства, расслоения, дифференциации возможностей, основанных на различии способностей и имеющихся ресурсов как отдельных социальных групп, так и индивидов. Какие же появились типы социального неравенства за это время, кто осознает их наличие и является носителем возникающих на этом основании интересов и ценностей, а также каковы следствия этого, обнаруживающиеся на арене публичной политики? Иными словами на примере происходящего в российских местных сообществах попытаемся проанализировать, как «равенство в одном отношении сочетается с неравенством в другом, равенство одних социальных субъектов идет рука об руку с неравенством других или с другими»⁵.

Первый тип — социально-экономическое неравенство. Следует отметить, что большая часть населения страны (и особенно жители российской глубинки) обладает равенством (т.е. большинство граждан равны друг другу) в отношении их социально-экономического поло-

⁴ Теоретические подходы к анализу данного предмета см.: Вевёрка М. Формирование различий // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 13-24.

⁵ Гофман А.Б. Мартовские тезисы о социологии неравенства // Социологические исследования. 2004. № 7.

жения. Социологические исследования свидетельствуют: «около 50% респондентов, по их самооценке, живут недоедая (12%) или еле-еле сводя концы с концами, зарабатывая деньги, которых хватает только на продукты питания (36%). Почти у 39% хватает лишь на продукты и одежду. Таким образом, 90% респондентов живут в достаточно стесненных денежных обстоятельствах...»⁶.

Однако внутри этого равенства уже существует и, что социологически зафиксировано, крепнет процесс возникновения неравенства. Согласно данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, «в 2002 г. в сравнении с 1998 г. доля респондентов, относящих себя к средним слоям на шкале богатства, выросла почти в полтора раза с 37,7 до 52%, впервые превысив долю тех, кто относил себя к малообеспеченным и бедным. Доля последних за этот период сократилась с 61,1 до 44,4%»⁷. Это формирующееся неравенство во многом связано со степенью социальной активности и вовлеченности в экономическую деятельность более успешной части населения: «Их материальное благополучие зачастую результат выбора и реализации активной стратегии адаптации, инициативного и предприимчивого поведения, а профессиональные успехи объясняются наличием качеств, востребованных рыночной экономикой»⁸. Можно утверждать, что современное социально-экономическое неравенство основывается на неравенстве внутренних возможностей индивидуумов (психологических, физиологических, возрастных, свойств характера, уровня квалификации и т.п.) при адаптации к новым условиям. Наличие такого неравенства подтверждается и тем, что «упала значимость дороговизны жизни на 7%, безработицы — на 4%, разделения общества на богатых и бедных — на 9%»⁹. Усиление социально-экономического неравенства свидетельствует о росте тех, кто удовлетворяет свои базовые потребности (в одежде, пище, жилье, образовании и пр.).

Углубляющееся социально-экономическое расслоение ведет к более определенному делению на различные социальные группы (частные предприниматели, сотрудники бюджетных организаций, работники предприятий и т.п.), которые формулируют и актуализируют групповые интересы, постепенно преобразующиеся в новые ценности, носители которых создают общественные объединения.

⁶ Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях нелиберальных трансформаций // Социологические исследования. 2004. № 7.

⁷ Козырева П.М. Особенности самоидентификации и субъективной мобильности // Россия реформирующаяся. Ежегодник-2003. М.: ИС РАН, 2003. С. 130-131.

⁸ Там же, с. 137-138.

⁹ Гофман А.Б. Мартовские тезисы... С. 34.

В результате появились, например, объединения представителей крупного, среднего и малого бизнеса, ставшие или постепенно преобразующиеся во влиятельные неправительственные организации, представляющие и защищающие соответствующие интересы (например, Российский союз предпринимателей). Актуализируются и набирают силу профсоюзы.

Наиболее консервативными и до сих пор малоинициативными остаются профессиональные объединения учителей, архитекторов, художников и т.п., но и в их среде появляются действенные, хотя и альтернативные давно существующим союзам, организации (например, Фонд защиты гласности). Экономически и социально слабо защищенные граждане (утратившие защиту государства) часто также вынуждены действовать коллективно (многочисленные организации инвалидов различных профилей, чернобыльцы, неправительственные организации, занимающиеся проблемами семьи, детства и т.п.).

Второй тип неравенства — степень мобильности населения. На первый план здесь выходят неправительственные организации вынужденных переселенцев. Поселившись на новом месте, понеся при этом большие материальные, моральные и правовые потери, они оказались на крайнем полюсе имобильности. Слабая поддержка государства и местных властей, а также часто агрессивное или, в лучшем случае, пассивное поведение окружающих их граждан, мобилизуют мигрантов на создание объединений для коллективной деятельности по обустройству их жизни.

Удовлетворивший базовые потребности человек способен обратить внимание на качество своей жизни и, в первую очередь, среду проживания. Особое значение эта среда приобретает в связи с разделением членов местных сообществ на мобильных и имобильных. Мобильные сограждане (то есть имеющие возможность в случае необходимости сменить место проживания или, по крайней мере, сделать это для своих детей) могут позволить себе не связывать свои интересы с непосредственной средой обитания и, значит, не очень беспокоятся о ее состоянии. Имобильные же, наоборот, оказались более чем когда-либо привязанными к месту, которое постепенно превращается для них в определенную ценность. В результате такого типа неравенства по всей стране все чаще появляются гражданские инициативы жителей домов, подъездов, дворов, которые самостоятельно обустривают свои территории, а в случае угрозы извне выступают в их защиту, формулируют и представляют местным властям свои интересы и требования¹⁰.

¹⁰ Уничтожаются зеленые острова. Народ против. Участие. Социальная экология регионов России. М.: ИС РАН, 2003. Вып. 10.

Третий тип — экологическое неравенство. Оно теснейшим образом связано с имобильностью. Люди, не имеющие возможности покинуть экологически опасное место проживания или обеспечить себе благоприятную среду другим образом, вынуждены активно выступать за сохранение своей среды обитания. В большинстве российских городов действуют экологические неправительственные организации, целью которых является контроль за состоянием окружающей среды, выявление «загрязнителей» и выдвижение требований к власти о наведении порядка в этой сфере¹¹.

Четвертый тип неравенства связан с глобализационными процессами. В первую очередь, проникновение глобализации на местный уровень вызывает беспокойство имобильной части населения и местных экологов в связи с изменением состояния окружающей среды. Речь идет о возникновении предприятий ТНК — в основном ресурсодобывающих и ресурсоперерабатывающих в различных российских локальностях, подчас — самых удаленных. Во многих случаях местные НПО считают, что эти предприятия наносят значительный ущерб окружающей среде и природе и в различных формах пытаются противостоять подобной активности.

Пятый тип — этническое неравенство. Проблема, существовавшая в многонациональной России всегда, усугубилась в период трансформаций в связи с ростом национального самосознания на основе социокультурных различий, усиленного политическими устремлениями лидеров государственных структур, поддержанных лидерами соответствующих общественных организаций (часто националистических ориентаций).

Шестой тип — социокультурное неравенство. Многие коренные народы и местные сообщества поставлены в условия необходимости сохранения, поддержания собственной культуры или комплекса традиций и установок. В первую очередь, это вызывает к жизни самостоятельные организации этнической принадлежности (например, многочисленные местные организации коренных малочисленных народов Севера, для которых утрата традиций — есть утрата национальной идентичности). Процесс глобализации, все более утверждаясь в России, лишь усиливает необходимость защиты местной культурной идентичности, что дает основания предполагать дальнейший рост общественных организаций, деятельность которых будет носить именно такую направленность.

¹¹ Аксенова О.В., Халий И.А. Экологическая политика на региональном уровне // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 546-563.

Седьмой тип — политическое неравенство, реализующееся по причине отсутствия политических каналов и процедур, обеспечивающих участие граждан в принятии значимых для них решений. В этих условиях протестные и конвенциональные выступления неправительственных организаций создают прецеденты общественного участия, возникновения диалога «население — власти — бизнес», которые становятся частью современной городской публичной политики.

Несмотря на все политические заявления о необходимости развития гражданского общества, его институты в нашей стране находятся в условиях глубочайшего политического неравенства. Их роль в политическом процессе не обеспечена ни в виде отработанных практик политического участия, ни в виде готовности властей к сотрудничеству или хотя бы учету их мнений и позиций. Неправительственные организации выступают инициаторами создания и утверждения таких практик, действуя различными способами: осуществляя прямые действия (акции и кампании протеста), настаивая на выполнении процедур, установленных законом (общественные слушания, общественная экологическая экспертиза, обращение в суд), настаивая на переговорных процессах, площадками которых являются местные представительные органы власти. Тем не менее, пропасть политического неравенства, если и сокращается, то весьма и весьма медленно.

Более того, в условиях глобализации возникает и новый вид политического неравенства: местные власти окончательно теряют возможность принятия собственных решений, если дело касается деятельности на их территории ТНК, поскольку, во-первых, чаще всего подобные решения принимаются на более высоком уровне — региональном или федеральном, которым местные власти противостоять не в состоянии. И, во-вторых, политическая воля сковывается перспективой экономических возможностей: поскольку на местном уровне основной задачей властей является улучшение экономического положения, то отказаться от экономической выгоды, которую можно получить вследствие деятельности ТНК, не представляется реальным. Не говоря уж о тех случаях, когда решения местных властей основываются на личных интересах. В результате местные неправительственные организации, чтобы справиться с возникающими рисками, все чаще апеллируют к поддержке международного сообщества в лице ряда зарубежных неправительственных организаций или их коалиций.

Политическое неравенство выливается в социально-политическую отчужденность, фиксируемую социологами: «Все большее количество граждан в стране считают, что людям у власти нет никакого дела до простых людей (рост за три года с 53 до 73%). С 27 до 52% возросло количество респондентов, которые считают, что главное для центральной власти в Москве — решить свои проблемы за счет областей и рес-

публик России. На 19% (с 50 до 69%) выросло число граждан, считающих, что большинство россиян не могут повлиять на политические процессы в стране»¹². Такая отчужденность, без сомнения, является потенциальной питательной средой для общественных организаций (последний яркий пример — события, связанные с монетизацией льгот).

С социально-политическим неравенством теснейшим образом связано **неравенство в доступе к информации (восьмой тип неравенства)** и к самим СМИ. Во-первых, период полной свободы СМИ закончился: все они ныне жестко контролируются учредителями. На локальном уровне чаще всего это означает полный контроль над местными газетами со стороны властей. В результате обществу транслируется информация, интерпретируемая в их интересах¹³. Во-вторых, трудное финансовое положение местных жителей заставляет их черпать информацию только из местных источников и электронных СМИ, что также не очень меняет качество информированности. К тому же в России до сих пор есть места, куда не поступает телесигнал. Говорить о доступе к Интернет-сети в российской глубинке вообще не имеет смысла — в этой сфере неравенство особенно глубоко. В-третьих, информационное неравенство заключается еще и в том, что во многих случаях на местах отсутствует возможность публикации материалов, подготовленных институтами гражданского общества, равно как и материалов о них самих. Итогом является то, что информации о самодеятельности и самоорганизации населения в прессе почти не существует. Наши исследования, проведенные в 2002 г. в двух районах Москвы и районном центре Боровичи Новгородской области, показали, что люди, получающие информацию из прессы ничего не знают о деятельности общественных организаций и не понимают, зачем они нужны (так ответили 658 респондентов из 800 опрошенных, то есть 82,5% в Москве и приблизительно столько же в Боровичах).

Как видим, неравенство затрагивает практически все стороны, аспекты и сферы жизнедеятельности российского общества — экономическую, социальную, социокультурную, этническую, политическую и информационную. Вероятно, это означает, что главной задачей должно стать создание механизмов, способов, каналов, обеспечивающих возможности социально активной части населения уменьшать степень всех видов неравенства, что повлечет за собой и расширение круга социально активных граждан. В связи с проблемой консолидации российского общества для дальнейшего устойчивого социального, эконо-

¹² Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций // Социологические исследования, 2004, № 7.

¹³ Подлесная М.А. Экологические проблемы и местные СМИ // Участие. Социальная экология регионов России. М.: ИС РАН. 2004. Вып. 13.

мического, политического развития, процесс снижения уровня различных видов неравенства будет означать увеличение количества тех, кто готов к консолидированным действиям в этом направлении.

СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И РАЗВИТИЕ САМООРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И СТРУКТУР ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Очевидно, что процесс институционализации социокультурных различий в форме деятельности структур гражданского общества, являющихся носителями ценностей, интересов, целей различных социальных групп и осуществляющих их трансляцию лицам и органам власти, принимающим решения, в современной России весьма жестко связан и во многом определяется политическими условиями. Даже для того, чтобы добровольное объединение граждан приобрело формы коллективного и организованного социального действия необходим определенный политический контекст. Отсюда возникает необходимость опереться на весьма давно разработанный в рамках социологии общественных движений теоретический подход, который определяется как «структура политических возможностей»¹⁴ и применяется для анализа политических условий формирования общественных движений (данное понятие перекликается с понятием структурной проводимости как одним из факторов возникновения общественных движений, выдвинутым Н. Смелзером).

Варианты операционализации структуры политических возможностей чрезвычайно многообразны. Одни определяют ее как политическую среду в целом и способность государства претворять политические решения в жизнь¹⁵. Открытость и закрытость политической системы, а также сила и слабость режима определяют соответственно вероятность возникновения движений определенного типа и ход их развития. Другими учеными структура политических возможностей характеризуется более узким набором показателей, которые включают лишь те характеристики политического режима, которые в самом деле могут выступать ресурсами, т.е. могут быть использованы движениями для достижения целей и мобилизации поддержки¹⁶. С. Тэрроу выделяет три группы показателей структуры политических воз-

¹⁴ Кун Т. Структура научных революций. М. 1977; McAdam D., McCarthy J., Zald M. Social movements // Handbook of sociology / Ed. by N. Smelser. N.Y., 1988. P. 695-736; Eyerman R., Jamison A. Social movements. A cognitive approach. The Pennsylvania State University Press. 1991.

¹⁵ Kerbo P. Movements of «crisis» and movements of «affluence». A critique of deprivation and resource mobilization theories // Journal of Conflict Resolution. 1982. Vol.26 (4). P. 645-663.

¹⁶ Zald M., Ash R. Social movement organizations // Soc.Forces. 1966. Vol. 44.

возможностей: 1) степень открытости политической системы; 2) степень стабильности расстановки политических сил; 3) наличие союзников движения в рамках политической системы¹⁷.

Отталкиваясь от этих определений, проанализируем элементы структуры политических возможностей, которые существуют в современной России и то, как они влияют на самоорганизацию населения и развитие структур гражданского общества.

Степень открытости. Открытая политическая система характеризуется высокой «степенью отзывчивости» по отношению к требованиям, выдвигаемым снизу. Наши исследования местной прессы в пяти регионах России показали, что существуют три модели «открытости» властей.

Первая — практически авторитарное правление, при котором СМИ транслируют только ту информацию, которую позволяет администрация, и ее же позиции. Материалы о деятельности неправительственных организаций или о самодеятельной активности населения практически отсутствуют. В таких случаях общественность вынуждена создавать свои печатные органы, объединяя усилия различных общественных организаций (например, в Новгородской области в районном центре Пестово газета издается совместно общественной организацией малого бизнеса и экоНПО). Иными словами, авторитарный, т.е. закрытый политический режим ведет к мобилизации гражданской активности и объединению усилий существующих неформальных структур. Но для закрытой системы характерны репрессивные меры по отношению к инициативам и коллективным действиям любого рода, и в данном случае мы наблюдаем жесткий конфликт власти с общественностью.

В той же Новгородской области существует район с демократически ориентированным правлением. Контент-анализ местной прессы свидетельствует о том, что власти уже не контролируют подачу информации жестко, их собственных публикаций значительно меньше, но также немного и материалов о самоорганизации местного сообщества и статей, подготовленных активистами неправительственных организаций. Таким образом, этот режим представляется сделавшим лишь только первый шаг к открытости, который пока не принес возможности обществу получать необходимую информацию и реагировать на нее.

Большая открытость власти обнаружена нами в регионах повышенной экологической опасности, например, в районах России, пострадавших от Чернобыля. Там власти стараются вступать в диалог с местным сообществом, в том числе на страницах местной прессы. Более того, местная администрация стала соучредителем газеты, которая была

¹⁷ Tarrow S. Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest. Cornell Univ. Western soc. 1989. Paper N.21.

основана неправительственной организацией. Практически, это следующая стадия открытости, которая достигает того уровня, когда действия общественного движения кооптируются в существующие властные структуры, а его требования в определенной степени усваиваются политическими институтами. Хотя говорить о полной открытости рано, но, как показал опыт деятельности местных НПО, представители власти уже готовы к сотрудничеству.

Наибольшая активность неправительственных организаций и, в частности, экологических, наблюдалась нами в Карелии. В Медвежьегорском районе при полном бездействии власти (ее активность не проявлялась ни в одном из направлений хозяйственной деятельности) на страницах местной прессы публиковались высоко критичные материалы и разворачивался диалог предприятия-загрязнителей с экологической общественностью. Это означает, что при беспомощной власти неправительственным организациям приходится действовать активно, ибо никто больше не выступает в качестве агента, решающего текущие проблемы.

В социологической литературе выделяются несколько показателей степени открытости политической системы. К ним относятся, во-первых, число политических партий, фракций и прочих объединений, которые способны переводить требования различных социальных групп на язык официальной парламентской политики. Чем их больше, тем менее вероятно формирование общественных движений, требования которых не вписались бы в политический спектр требований, выдвигаемых политическими партиями. Для России важным сегодня является не столько количество партий (их совсем недавно насчитывалось множество), сколько их способность представлять интересы социальных групп. До недавнего времени это производилось ими малоэффективно, а потому существующие и активные неправительственные организации и движения вынуждены были напрямую влиять на структуры исполнительной власти, временами даже поставляя своих лидеров в качестве сотрудников этих структур (так, советником президента Б.Н. Ельцина был старейший лидер экологического движения академик А.В. Яблоков, а в Нижегородской области лидер экологического центра «Дронт» был директором департамента охраны природы при областной администрации). Сегодня ситуация резко изменилась. По свидетельству лидеров экологического движения, оказывать влияние и даже вступать в какое-либо взаимодействие со структурами исполнительной власти стало абсолютно невозможно или бесполезно. Партийная реформа и возможность провести своих депутатов в представительные органы заставляют общественные движения заниматься созданием собственных политических партий (это осуществляют сегодня такие движения, как «Комитет солдатских матерей», экологическое и правозащитное движение).

Вторым показателем степени открытости является **разделение исполнительной и законодательной власти**. Поскольку законодательная власть непосредственно подотчетна избирателям, она более чувствительна к требованиям населения, а значит и структур гражданского общества, по сравнению с исполнительной. В современной России проблема заключается в том, что законодательная власть не обладает таким политическим весом, как исполнительная. И, тем не менее, структуры гражданского общества на протяжении всего периода реформ сотрудничают с этой ветвью власти весьма активно: принимая участие в разработке законов, участвуя в общественных слушаниях, проводимых этими органами, в информировании их о происходящих в стране нарушениях. Однако более эффективно это производить изнутри, например, через депутатов, потому и предпринимаются усилия по партийному строительству.

По утверждению ученых, следующий (**третий**) показатель открытости — это **наличие механизма объединения и согласования требований**, выдвигаемых различными социальными и политическими субъектами. Открытость системы уменьшается, если в ней не разработан механизм формирования политических компромиссов и консенсуса. Здесь мы практически находимся в самом начале пути. Единственный подобный механизм, который до сих пор существовал — это общественные палаты при областных и районных администрациях. Многолетний опыт работы показал их малую эффективность, а, кроме того, не вошедшие в такие палаты неправительственные организации или сомневающиеся в их значимости продолжают активно действовать неформальными методами, правда, в основном конвенциональными. Отсутствие такого механизма подтвердила попытка проведения пенсионной реформы: пенсионеры вынуждены были применять прямые действия, т.е. выходить на улицы, чтобы транслировать власти свое мнение. Конечно, это движение было стихийным, неорганизованным, возможно, со временем оно могло бы преобразоваться в легитимную неправительственную организацию либо быть использованным существующими, подчас не слишком добросовестными структурами.

Вспомним и об Общественной палате при Президенте РФ, создание которой воспринимается неоднозначно. Основное сомнение заключается в том, что может возникнуть неравенство между неправительственными организациями по критерию вхождения/невхождения в ее состав, а также в том, что ее деятельность приобретет символический характер, как это часто происходит с соответствующими организациями на региональном уровне.

Для нашей страны одним из элементов структуры политической возможности является **патернализм государства** по отношению к различным социальным группам и структурам гражданского общества.

Например, ликвидация патернализма в отношении малочисленных коренных народов Севера вызвала в эпоху трансформаций бурный рост общественных организаций и гражданских инициатив во многих сообществах (вплоть до самых удаленных поселков), преобразовавшихся в сетевую организацию «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера» со штаб-квартирой в Москве и региональными отделениями во многих субъектах РФ. Патернализм государства в отношении структур гражданского общества ведет к утрате этими структурами взаимодействия с населением и вследствие этого, к прекращению их деятельности по представительству интересов социальных групп, такие организации становятся «симулякрами». Чтобы взаимодействие гражданского общества и государства было эффективным, эти отношения должны быть не патерналистскими, а партнерскими. Однако это возможно только при относительном равенстве сторон, о чем говорить, без сомнения, преждевременно.

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Из современных российских подходов весьма плодотворным представляется теоретизирование Т.И. Заславской, посвященное деятельности и позиции различных социальных групп относительно реализуемых реформ, такая стратификация названа ею «трансформационной структурой общества». «Трансформационная структура, — пишет она, — отражает системное качество общества, особо значимое в период крутых перемен — его способность и готовность к саморазвитию, в том числе путем радикального преобразования и обновления своих базовых институтов и социальной структуры. Это важнейшее качество общества определяется соотношением, сравнительной влиятельностью и активностью социальных сил, заинтересованных в разных сценариях общественного развития и прилагающих существенные усилия к тому, чтобы эти сценарии реализовывались на практике»¹⁸. Реформаторский потенциал общества, по мнению Т.И. Заславской, определяется, в первую очередь, «установками и деятельностью элит, включая верхний слой бюрократии, т.е. групп, оказывающих целенаправленное институциональное воздействие на ход трансформационного процесса. Эти группы разрабатывают новые правила игры, облекают их в правовую форму, организуют и контролируют их выполнение, естественно, не забывая о своих частных интересах».

¹⁸ Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 4.

Обращаясь к деятельности институтов гражданского общества в нашей стране сегодня, следует отметить, *во-первых*, участие их представителей на самом высоком уровне — на уровне политических элит, к коим относятся высшие эшелоны власти. Речь в этом случае идет о работе по формированию стратегии реформ, то есть о концептуальной сути трансформационных процессов. Некоторые активисты и лидеры НПО сами являются или являлись депутатами Госдумы или региональных законодательных собраний; многие организации и их отдельные представители сотрудничают с депутатами, будучи их официальными помощниками. Юристы — члены НПО участвуют в разработке отдельных законов. Среди экспертов, консультирующих правительственные структуры, также немало выходцев из организаций гражданского общества.

Во-вторых, большую часть членов НПО составляют представители среднего класса — специалисты с высшим образованием в самых различных профессиональных сферах, включая преподавателей средней и высшей школы, врачей, ученых, журналистов, а также студенческая молодежь. А это означает, что от них во многом зависит интерпретация реформаторских идей и практики. Они «тестируют» и адаптируют предлагаемые к реализации инновации, выступая, с одной стороны, как «лакмусовая бумага», выявляющая готовность социально активных и высококвалифицированных граждан к реформам, а с другой — как социальная сила, которая способна внести коррективы в реформаторский процесс. Учитывая, что эта социальная сила носит организованный характер и представляет собой широкую сеть координируемых связей по всей стране, к ней следует относиться крайне серьезно. Все это соответствует тому, как Т.И. Заславская определяет социально-инновационный потенциал, который «зависит в первую очередь от мощности, социального качества и характера соответствующей деятельности слоев, располагающих хотя и меньшими, чем элиты и субэлиты, но все же достаточно ощутимыми экономическими, политическими и культурными ресурсами». Она называет четыре главных сферы их социально-инновационной активности: «Первой служит хозяйственное предпринимательство..., второй — преобразование институтов социальной сферы: здравоохранения, образования, науки, культуры, социальной защиты и т.п. Третья — обновление идеологии и культуры... Четвертой сферой является апробация новых форм самоорганизации или формирование структур гражданского общества. С помощью этих структур первоначально рыхлая и инертная ткань общества как бы «прошивается» в разных направлениях независимыми от государства горизонтальными связями, становясь более упругой, способной к действенному отклику на воздействие извне. Социально-инновационная деятельность средних слоев содействует укоренению

устанавливаемых правящим слоем правил игры в социальной практике. Но одновременно она изменяет, корректирует и даже качественно преобразует эти правила в своих интересах. Тем самым, она оказывает существенное влияние на преобразование институтов, регулирующих жизнь сообщества»¹⁹.

В-третьих, структуры гражданского общества в виде локальных неправительственных организаций и инициативных групп возникли уже не только в большинстве городов (в том числе и малых), но и в сельской местности, объединив в своих рядах довольно широкий круг российских граждан. Они стремятся (и имеют возможности) влиять на общественное мнение по большинству насущных проблем, активно способствуют развитию процессов самоорганизации на самом «низком» уровне, помогая людям самостоятельно решать свои проблемы — экономические, профессиональные, отстаивать гражданские права, заботиться о непосредственной среде обитания, самим организовывать досуг свой и своих детей, повышая параллельно и культурный уровень местного населения. Они работают с теми, кто на самом деле и составляет всю Россию в целом. А ведь именно от этой России зависит, как будут развиваться события. Мы можем смело утверждать, что широкие массы граждан нашей страны являются реальными носителями социокультурных установок и ценностей, без изменения которых невозможно осуществить никакие реформы. Т.И. Заславская определяет позиции этих слоев как «адаптационный потенциал общества», который зависит, в первую очередь, от «объективного положения, установок, деятельности и поведения рядовых граждан страны — крестьян, рабочих и служащих, массовой интеллигенции». Определяя их роль, она пишет: «Располагая очень ограниченными ресурсами, они, на первый взгляд, не оказывают самостоятельного влияния на ход институциональных реформ, нередко становясь их заложниками. Однако мнение о незначительной роли этих групп в трансформационном процессе, на мой взгляд, обманчиво. Дело в том, что ни установление новых правил игры, ни даже освоение новых способов организации общественной жизни не являются конечной целью реформ, а следовательно, и конечным критерием оценки их результатов. В действительности таким критерием является преобразование социальных практик, отражающих повседневное поведение не столько верхних и средних слоев общества, сколько самых массовых социальных групп...»²⁰.

Наши политики, стремящиеся к завершению реформ и максимальному улучшению экономической ситуации, до сих пор явно недооценивали процессы формирования гражданского общества и его реаль-

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

ное значение. А потому и установки на взаимодействие с отдельными структурами, в том числе и с неправительственными организациями, в их сознании и управленческой практике не существовало. Это усиливает значение теоретического подхода Т.И. Заславской о трансформационной структуре общества не только для научного анализа социальных реалий, но и как некоего инструмента для оценки современной политической и социальной практики.